

## АКТЕРЫ, 1962

# ДВА ЛИЦА ОДНОЙ РОЛИ

**РИЧАРД III...** Человек, который всю глубину своего ума, щедрость таланта, силу железной воли, весь ее бешеный напор поставил на служение единственной страсти — стремлению господствовать. Эта страсть разбудила в душе Ричарда самое злое, самое низменное, самое жестокое. Она лишила его возможности испытать хотя бы намек на искреннее, доброе побуждение, пережить радость благородного поступка. Он может только гениально притворяться добрым и сердечным, имитировать внешнее выражение светлых человеческих чувств.

Таким играет Ричарда артист куйбышевского театра им. Горького Н. Н. Засухин. Его Ричард — великий мастер лицемерия, предательства и вероломства. Он даже сам иной раз останавливается в каком-то недоумении, пораженный успехом своей вдохновенной лжи. Эти моменты великолепно получаются у Засухина.

Отвращение и ужас — вот чувства, которые Ричард вызывает в каждом. Буржуазное шекспироведение, зараженное ницшеанским преклонением перед «сильной личностью», которой «все дозволено», утверждает, что Ричард III будто бы способен вызывать также и восхищение. К сожалению, этот взгляд проник и в работы советских шекспироведов, путающих эстетический восторг перед феноменом искусства с отношением к явлениям жизни, которые в нем отражены. Как создание искусства Ричард III прекрасен, как воплощение зла — отвратителен. Заслуга актера Засухина и режиссера П. Л. Монастырского именно в том, что они не увлекаются «титанической силой зла».

Буржуазные критики сопоставляют образ Ричарда с образами Демона, Мефистофеля, Люцифера. Но их противник — бог. У Ричарда же противники — люди. Его борьба сугубо личная, эгоистичная. И это удивительно полно раскрывает Засухин.

Артист не «рвет страсти в клочки», он играет недоропливо, вдумчиво, сосредоточенно. С удивительным артистическим спокойствием, с великодушным самообладанием плетет он сложный сценический рисунок роли. Целостность, орга-

ническое единство, слитность всех элементов внешней характеристики образа просто поражают. Чего стоит одна только его рука, эта обезображенная болезнью кисть с уродливо скрюченными пальцами. А его походка, хромота, жестикация! Позы, жесты, все ракурсы его тела так скульптурны, так выразительны, законченны и органически связаны в единый пластический образ, что приходится только удивляться и радоваться высокому мастерству актера, который, играя уродца, добивается предельной выразительности, нигде не впадая в натурализм.

Великие образы Шекспира — Гамлет, Ричард, Отелло — неисчерпаемы: над каждым из них артист может работать бесконечно долго. Засухин только начинает играть Ричарда, и я надеюсь, что этой работе суждена долгая сценическая жизнь.

Большая сложность роли Ричарда в необходимости искать неимоверно резкие контрасты. Ведь у Ричарда два лица: одно подлинное, другое маска — то это негодяй, убийца, то прямодушный человек, чей открытый характер полон наивности, честности, доброты. Только открыв оба лица Ричарда, артист может раскрыть секрет той магии, той гипнотической силы, которой Ричард подчиняет своей воле. Исполнитель этой роли обязан раскрыть загадку необычайного обаяния Ричарда. Почему Ричарду достаточно каких-нибудь 10—15 минут, чтобы превратить вдову убитого им человека, женщину, пылающую к нему ненавистью, в послушную итрупку своей искусно разыгранной страсти, в свою любовницу, в свою невесту? Каким дьявольским обаянием должен обладать Ричард, чтобы, сидя в зрительном зале театра, мы поверили в подлинность происходящего на сцене!

Очень большая доза этого обаяния есть в образе, созданном Засухиным. Однако этой дозы недостаточно, Засухину отлично удаются те места роли, где он откровенно выражает истинную сущность образа, где глаза его загораются недобрым огнем злых помыслов и порочных желаний, где Ричард выступает без маски. Но когда Ричард — Засухин надевает на себя личину добросердечия и честности, чего-то все-таки не хватает. Да, он наивен и простодушен в эти моменты, но хочется, чтоб он был еще наивнее, еще простодушнее. Да, он кажется искренним в своей страсти к леди Аняне, но хочется, чтобы он казался еще искреннее. Нужно, чтобы он был еще прямодушнее в своей наигранной честности, еще безудешнее в своем ложном раскаянии, еще добрее в своей лицемерной доброте. Ведь Ричард — великий актер. Пусть сначала даже зритель окажется обманутым лицемерием Ричарда. Тогда образ приобретет полную завершенность.

Роль Ричарда удалась Засухину уже сейчас, и я не сомневаюсь, что он сможет сделать ее еще более интересной.

Борис ЗАХАВА,  
народный артист РСФСР.